

УДК 314.7:304.2(470+571)

МИГРАЦИИ КАК ВЫЗОВ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ РОССИЯН

Головашина О.В., Кунавин К.С.

Работа посвящена влиянию культурной памяти на восприятие миграционных потоков и отношения к мигрантам в современной России. Опираясь на идеи А. Ассман, Дж. Олика и данные опросов, авторы рассматривают перспективы интеграции мигрантов в принимающее сообщество. Обосновывается невозможность прямого переноса стратегии «мультикультурализма» в российские условия. Основные проблемы, с точки зрения авторов, связаны с актуализацией имперского дискурса и консервативной идеологией. Наиболее перспективной стратегией представляется использование опыта полиэтничных регионов России, развитие общественных инициатив, направленных на интеграцию мигрантов.

Ключевые слова: культурная память, миграция, имперский дискурс, интеграция мигрантов, исторические нарративы.

MIGRATION AS A CHALLENGE IN CULTURAL MEMORY OF THE RUSSIANS

Golovashina O.V., Kunavin K.S.

The paper focuses on the effect of cultural memory on the perception of migration and migrants in modern Russia. Based on the ideas of A. Assmann, J. Olick and survey data, the authors examine the prospects for integration of migrants into the receiving society. It also proves the impossibility of direct transfer of the “multiculturalism” strategy in modern conditions in Russia. The main problem from the authors’ viewpoint is connected with the updating the Imperial discourse and conservative ideology. The most promising strategy is the use of the experience of the multi-ethnic regions of Russia and public initiatives’ development aimed at the integration of migrants.

Keywords: cultural memory, migration, Imperial discourse, integration of migrants, historical narratives.

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФ № 17-78-20149.

Алейда Ассман, описывая проблемы культурной памяти в современной Германии [3], обратила внимание на то, что дискурс немецкой вины за преступления нацизма непонятен мигрантам и, как следствие, не принимается ими. Почему, например, турок должен испытывать вину за Холокост, который произошел в то время, когда его родственники жили в Стамбуле? Какие есть еще основания немецкой гражданской нации, которые могут быть приняты мигрантами? Французский национальный нарратив, ориентированный на создание гражданской нации, более толерантен к национальным историям, однако стабильно высокий процент, который получают правые движения на выборах во Франции не позволяет считать этот путь более верным. Страх перед «близостью чужаков», о которой писал З. Бауман [цит. по: 8] коснулся даже «плавильного котла» – США, где также растет популярность правых консервативных сил и появляются новые миграционные ограничения.

Объективно преувеличенная угроза заселения страны иностранцами занимает первое место среди угроз России (от 58% в 2005 году до 27% в 2013 году [20] в соответствии с опросами ВЦИОМ, позже исследований на эту тему не проводилось) на протяжении более десятилетия. В современной России растет число людей, считающих увеличение числа мигрантов отрицательным явлением для страны – 74% [9] и большинство населения – 78% [13] продолжает выступать за ограничение потока мигрантов. Однако мигранты в больших городах стали обыденным явлением, частью повседневности горожанина, независимо от его реакции. Почему при этом россияне продолжают высказываться против присутствия мигрантов? Может ли ситуация измениться? В данной статье будут проанализированы проблемы культурной памяти в России, связанные с миграционными вызовами.

Миграцию называют всадником Апокалипсиса, который определит судьбу человечества и возвестит об отмирании современного мира [24]. Увеличение интенсивности миграционных процессов создает условия для трансформации социального пространства, акцентируя такие его атрибуты как трансферы и мобильности. Мир меняется быстрее, чем поколения, и впервые жалобы старших на то, что раньше все было по-другому, стали иметь смысл. Это означает, что «мы переходим из эры заранее заданных реферативных групп в эпоху универсального сравнения, в которой цель усилий человека по строительству своей жизни безнадежна неопределенна, не задана заранее и может подвергнуться многочисленным и глубоким изменениям прежде, чем эти усилия достигнут своего подлинного завершения: то есть завершения жизни человека» [4, с. 13]. Идентичность сейчас возможна только как проект (из «дано» превращается в «найти», как писал З. Бауман) [4], а идентификация оказывается перманентной. Миграция как описываемая Бауманом «победа кочевого образа жизни» оказывается не только метафорой нового социального пространства, но и вызовом культурной памяти.

Культурная память в первую очередь определяется социальными условиями («социальные рамки памяти», М. Хальбвакс [19]), трансформация которых приводит к изменению некоторых аспектов памяти, которая носит процессо-реляционный характер (Дж. Олик [14]). Среди тенденций, определивших онтологию культурной памяти в ситуации миграционных вызовов, наибольшего внимания заслуживают две.

Во-первых, мультикультурализм как следствие концепции постнациональной идентичности Ю. Хабермаса. Основной источник идей немецкого философа связан с переосмыслением опыта Германии и необходимостью преодоления чувства вины, сформированной немецкими интеллектуалами, за преступления нацизма. «Конституционный патриотизм», которым Хабермас предполагал заменить немецкий национализм, предполагает безусловно критическое отношение к собственным культурным традициям, в первую очередь, к тем, которые, привели Германию к нацизму [18, с. 216].

«Проработка прошлого» (*Aufarbeitung der Vergangenheit*) становится актуальной не только для тех, кто чувствовал свою ответственность за преступления середины XX века, но и для всей европейской цивилизации. Вместо верности национальной культуре интеллектуалы предложили доктрину прав человека и концепт «гражданское общество», в которых видели возможность понизить вероятность межгосударственных конфликтов и национальных ошибок.

Благодаря культуре, построенной на приоритете прав человека, стираются границы между гражданами и негражданами, отличия между которыми зачастую ограничивается только некоторыми политическими правами (например, избирательное право). Это создает принципиально новые условия для миграции. Интеграция как новая модель сосуществования мигрантов и принимающего сообщества появляется в середине 1950-х гг., когда все более мобильный мир оказался вызовом для стабильных идентичностей. Один из авторов новой модели взаимодействия мигрантов и принимающего сообщества Уильям Бернанд считал, что только интеграция позволяет использовать те преимущества, которые несет мигрант в свой новый дом [22, p. 24]. То есть, мигрант, оставаясь, прежде всего, человеком со своими правами, может сохранять национальные обычаи, верность ценностям, если они не противоречат общечеловеческим. Конечно, возникает вопрос на тему прав принимающего сообщества, однако концепция прав человека и постмодернистский релятивизм, являясь, прежде всего, моделью взаимодействий людей в условиях усиливающихся мобильностей, может при некоторых условиях ставить права сообщества ниже прав отдельных личностей. Теперь, когда от мигрантов не требуется ассимиляция, для принимающего сообщества они оказываются определенным вызовом, а работающие модели (мультикультурализм остался идеей, а не моделью), позволяющие справиться с этим вызовом, отсутствуют.

Во-вторых, распространение идей немецких интеллектуалов на Европейский Союз и, шире, на глобализирующееся сообщество является следствием уже много веков существовавшей наднациональной общности – академической науки, которая формировалась и развивалась как подчеркнуто

наднациональная. Поэтому академические идеи легко распространяются через границы национальных сообществ. Такой идеей стала развернувшаяся в конце XX века критика метанарративов. Данный механизм легитимации был объявлен Ж.Ф. Лиотаром не соответствующим современной ситуации, так как больше нет «великих героев» и «великих целей» [12, с. 10]. В условиях максимально свободного распространения знания вместо «больших рассказов» придут «малые», не претендующие на абсолютную истину или разрешение противоречий человеческого сообщества. С точки зрения Лиотара, данная ситуация – «результат быстрого технического и технологического подъема после Второй мировой войны, перенесшего акцент с цели действия на средства ее достижения, а, может быть, результат активизации внешнеэкономических связей либерального капитализма, развившегося после периода его отступления перед моделью Кейнса в 1930-е – 1960-е гг., – обновления, устранившего коммунистическую альтернативу и придавшего ценность индивидуальному обладанию благами и услугами» [12, с. 61].

Недоверие к «большим рассказам», которые были объявлены Т. Адорно и М. Хоркхаймером одной из причин нацизма, оборачивается потерей легитимности, формирующей национальную идентичность с помощью «печатного капитализма» (Б. Андерсон) истории. Дискредитация национальной истории, в свою очередь, оказывает влияние на отказ от однозначной идентификации, а дихотомия «свой-чужой» распространяется больше на социальные, профессиональные, субкультурные сообщества, а не на национальные или, тем более, этнические.

В современной России можно говорить и про вариант постмодернизма, и наличие практики использования дискурса прав человека, однако необходимо учитывать влияние российской специфики, определяющих проявление этих тенденций.

Распространившийся в Европе дискурс постмодернизма пришел в Россию вместе с концом одного из самых известных метанарративов. Новый дискурс требовал освоения, поэтому критика осуществлялась постфактум. Образ

ушедшего СССР затмевал другие нарративы, деконструкция которых могла открыть новые возможности; постмодернистов переводили, читали, но их язык, который не смог стать языком описания, зачастую оставался набором высказываний, описывающих только самих себя. Нельзя сказать, что критика метанарративов вообще не была предпринята в России, но она была характерна только узкого круга рефлексирующих интеллектуалов. Воспоминание не предполагает переосмысления – ностальгия, а затем и мифологизация Советского Союза больше способствуют актуализации метанарративов, а не их критике.

Таким образом, вместо реального опыта деконструкции Россия получала его репрезентацию. Поэтому культурная память в России продолжает определяться инверсией установок модерна: большими повествованиями, линейной структурой, вертикальной иерархией. Одним из проявлений этих установок является актуализация после идеологического релятивизма 1990-х гг. имперского нарратива. Если для западных и либеральных российских исследователей определение России как империи вызывает, скорее негативные коннотации [5; 15], то отечественные идеологи часто отождествляют концепты «империи» и «сильного государства» [10]. Идея «русского мира», «порядка», «сильного правителя», популярность которых в России остается стабильно высокой, способствуют распространению имперских образов, а присоединение Крыма в этом контексте можно интерпретировать как реализацию имперской стратегии. Метафоричность империи как определения современной России не мешает распространению имперского дискурса и его влиянию на восприятие образов прошлого и культурную память в целом.

Привычный поколениям недеконструированный имперский дискурс приводит к парадоксальной инверсии – прежде «братские народы» объявляются «понаехавшими», «иногородцами». Они воспринимаются как угроза; их лояльность России как принимающей стране ставится под сомнение. Официальные СМИ подчеркивают трактовку мигрантов как неодушевленной массы, способствуя таким образом формированию отношений принимающего

сообщества и мигрантов как субъект-объектных. Это проявляется и в отношении к соотечественникам, мигрировавшим в более крупные регионы – их обвиняют в нарушении имперской иерархии «центр-провинция», наличии качеств, разрушающих ту самую структуру мира, деконструкции которой много внимания уделяли постмодернисты. Мигранты оказываются тем самым «врагом», образ которого используется для оправдания собственных просчетов, объясняет какие-либо личные, социальные проблемы. Вместо «прав человека» основой легитимности продолжает оставаться лояльность государству как суверену, верность особой миссии, отличающей принимающее сообщество от мигрантов.

Дж. Берри выделил несколько стратегий включения иммигрантов в принимающее сообщество [23], однако культурная память россиян ориентирована, прежде всего, на ассимиляцию. Можно с восхищением говорить о Барклае де Толли или африканском происхождении Пушкина, но только подчеркивая, что они стали «нашими». Инерция традиционного сознания заставляет не обращать внимание на другую фамилию, даже внешность, если при этом человек ведет себя так, как в представлениях носителей этого сознания, должен вести себя наш человек. Как в сказках, переодетого в нужные одежды чужестранца принимают за члена семьи, так и российское принимающее сообщество готово признать мигранта, живущего по местным правилам. Современные опросы показывают, что главная претензия к мигрантам состоит именно в том, что «они не хотят соблюдать наши законы» [21]. Однако мир сказок далек от реалий современной России. Появление целой «диаспоры гастарбайтеров» [11, с. 120] не позволяет закрывать глаза на других; тяжело «возлюбить дальнего» при сохранении бинарной оппозиции «свой» – «чужой» в сознании, когда не каждый близкий может считаться своим, но дальний всегда останется чужим. Мигрантов становится слишком много, чтобы все они могли ассимилироваться, и многие из них не готовы «переодеваться».

Приезжие иностранцы, особенно другой культуры, кажутся экзотикой, пока не становятся повседневностью, встречая нас на фудкортах супермаркетов,

на рынках, в собственном доме, который они убирают, или сидят в нем с нашими детьми. В соответствии с сетевым характером культурной памяти [2] изменение одного из компонентов сети приводит к изменению сети в целом; память не может остаться прежней в меняющемся мире.

Если Другой для Я является зеркалом, посредником для понимания себя, то мигранты как представители другой культуры кажутся российскому принимающему сообществу кривым зеркалом. Поэтому главная претензия к мигрантам в России – это то, что они ведут себя как хозяева на нашей земле (об этом говорили 63% опрошенных в 2011 году) [7, с. 226]. На сегодняшний момент миграционные вызовы – это, прежде всего, вызовы для идентичности.

Мигранты в большинстве своей являются носителем культуры, которые не прошла период переосмысления собственных ценностей, характерного для многих европейцев. Как и россияне, мигранты, как правило, не понимают, почему они должны уважать права и обычаи других людей, если именно их, мигрантов, правила, верны. Практически не заметившие деконструкции постмодернистов, мигранты вполне комфортно ощущают себя в рамках своих метанарративов. Россияне, пережившие отрицание и крайний релятивизм 1990-х, сейчас возвращаются к консервативному дискурсу, привычному более старшим поколениям и часто признаваемому молодежью. Внедрение «традиционных» ценностей, оформленных как возвращение к «корням» с одной стороны может нести сильный конфликтогенный потенциал, конкурируя с нарративами мигрантов. Но с другой стороны, если европейцы строят дискурс интеграции на основе доктрины прав человека, о какой интеграции можно говорить в России, если убеждение в ценности прав человека не является частью российской культурной памяти?

Противоречия официального консерватизма с одной стороны и повседневности, в которой все чаще появляются мигранты, с другой приводит к довольно любопытной ситуации, когда респонденты выступают за ограничение миграционного законодательства, но признают необходимость присутствия мигрантов [1; 13]. Люди посещают рестораны с восточной кухней, но

продолжают негативно относиться к азербайджанцам и узбекам на улицах. Пока образ мигрантов соответствует имперскому дискурсу (например, они являются обслуживающим персоналом) их появление на улицах города кажется вполне органичным, но потом они оказываются за соседнем столиком в ресторане, гуляют рядом в парке, сидят за одной партой с нашими детьми в школе.

Замеченная 3. Бауманом «дистопия мигрантов» как показатель нестабильности жизни угрожает имперскому дискурсу, выявляя его слабые стороны. Мигранты как наследие прежней империи показывают возможные варианты развития сегодняшней ситуации. Имперские образы, лежащие в основе культурной памяти россиян выступают в противоречие с повседневностью крупных городов, в которых мигранты занимают не только места обслуживающего персонала. Это приводит к пока еще не повсеместным, но, тем не менее, присутствующим изменениям культурной памяти. Общественные инициативы («Вестник мигранта», «Перелетные дети», «Права мигранта» и т.д. [6; 16; 17]) противостоят официальному государственному дискурсу, но они обусловлены необходимостью сосуществования мигрантов и принимающего сообщества в крупных городах. Наряду с ростом антимигрантских настроений, россияне говорят о необходимости программ интеграции мигрантов, включения их в гражданское общество.

Нет необходимости использовать европейский опыт распространения дискурса мультикультурализма, когда в России существуют работающие модели сосуществования различных культурных элементов в полиэтничных регионах. Их использование приведет (уже приводит в некоторых местах) к изменению элементов культурной памяти, трансформации консервативно-имперской составляющей в более эвристически продуктивную гражданско-демократическую, в которой личностные аспекты взаимодействия индивидов оказываются приоритетней этнической или национальной составляющей.

Таким образом, на сегодняшний день культурная память россиян мешает эффективному использованию миграционного потенциала для экономического и социального развития России. Использование опыта полиэтничных регионов

позволяет снизить конфликтогенный потенциал конкурирующих нарративов мигрантов и принимающего сообщества и расширить возможности интеграции мигрантов.

Список литературы:

1. Амнистия мигрантов: за и против. Пресс-выпуск № 2442 [Электронный ресурс] // ВЦИОМ [сайт]. 30.10.2013. URL: <https://goo.gl/jghsXQ> (дата обращения: 22.01.2018).
2. Аникин Д.А. Сетевые основания социальной памяти // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17. № 2. С. 129-134.
3. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой М.: Новое литературное обозрение, 2016. 232 с.
4. Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
5. Бейссинджер М. Переосмысление империи после распада Советского Союза // *Ab Imperio*. 2005. № 3. С. 35.
6. Вестник мигранта. Частная инициатива по просвещению иностранцев. [Электронный ресурс] // Вестник Мигранта. Справочник и журнал для иностранцев [сайт]. 2018. URL: <https://goo.gl/4SSMyJ> (дата обращения: 22.01.2018).
7. Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров). М: ИС РАН, 2011. 304 с.
8. Диаспоральный терроризм: репортаж Вероники Пехе [Электронный ресурс] // Интернет-журнал ГЕФТЕР. 02.03.2016. URL: <https://goo.gl/NpH2pt> (дата обращения: 22.01.2018).
9. «Добро пожаловать» – или «посторонним вход воспрещен»? Пресс выпуск № 2366 [Электронный ресурс] // ВЦИОМ [сайт]. 07.08.2013. URL: <https://goo.gl/cPjWM3> (дата обращения: 22.01.2018).
10. Дугин А. Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2007. 382 с.

11. Иммигранты в Москве / Под ред. Ж.А. Зайончиковской. М.: Три квадрата, 2009. 272 с.
12. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
13. Мигранты в России: эффекты присутствия. Пресс-выпуск № 3254 [Электронный ресурс] // ВЦИОМ [сайт]. 29.11.2016. URL: <https://goo.gl/eEWNdi> (дата обращения: 22.01.2018).
14. Олик Дж. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 1. С. 40-74.
15. Паин Э. Империя в себе. О возрождении имперского синдрома // После империи М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007. 224с. С.102-123.
16. Перелетные дети. Образовательная программа для детей-мигрантов [Электронный ресурс] // Лицей «Ковчег-XXI» [сайт]. 2018. URL: <https://goo.gl/npYo62> (дата обращения: 22.01.2018).
17. Права мигранта. Информационно-консультационный центр [Электронный ресурс] // ВКонтакте [сайт]. 2018. URL: <https://goo.gl/sye49s> (дата обращения: 22.01.2018).
18. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2001. 417 с.
19. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
20. Что угрожает России? Пресс-выпуск № 2651 [Электронный ресурс] // ВЦИОМ [сайт]. 19.08.2014. URL: <https://goo.gl/WCKYfN> (дата обращения: 22.01.2018).
21. Этнические симпатии и антипатии россиян. Пресс-выпуск № 1498 [Электронный ресурс] // ВЦИОМ [сайт]. 20.05.2010. URL: <https://goo.gl/T7KBWJ> (дата обращения 22.01.2018).
22. Bernard W.S. The Integration of Immigrants in the United States // International Migration Review. 1967. Vol. 1. No. 2. P. 24.

23. Berry J. Psychology of acculturation / J. Berman (Ed.). Cross-cultural perspectives: Nebraska Symposium on motivation. Lincoln, NE: University of Nebraska Press, 1990. Vol. 37. P. 201-234.

24. Morris I. Why the West Rules – For Now: The Patterns of History, and What They Reveal About the Future. Farrar Straus & Giroux, 2010. 768 p.

Сведения об авторах:

Головашина Оксана Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и методологии науки Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина (Тамбов, Россия).

Кунавин Константин Сергеевич – кандидат исторических наук, ассистент кафедры всеобщей и российской истории Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина (Тамбов, Россия).

Data about the authors:

Golovashina Oksana Vladimirovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Philosophy and Methodology of Science Department, Tambov State University named after G.R. Derzhavin (Tambov, Russia).

Kunavin Konstantin Sergeevich – Candidate of Historical Sciences, Lecturer of General and Russian History Department, Tambov State University named after G.R. Derzhavin (Tambov, Russia).

E-mail: ovgolovashina@mail.ru.

E-mail: kunavinks@gmail.com.